

Джеймс Максвелл (1719–1800)

**ОБ ЭЙРШИРСКОМ ПАХАРЕ-ПОЭТЕ,
ИЛИ РИФМОПЛЕТЕ Р.Б.**

Перевод Е.Д. Фельдмана

Из бардов всех, кто в Англии родился,
Кто над святым охульней поглумился,
Чем сей эйрширец с музой диковатой,
Рожденный между плугом и лопатой?
Се Сатаны приспешник и поборник.
Здесь не родится вновь такой позорник:
В нем Сатаны выиграло вдохновенье,
А тот старался сверх обыкновенья!
Эйрширцу возглашающий «Осанна!»
Страну, себя позорит неустанно.
Его язык – отрада проститутки,
А джентльменам портит он желудки.
Высмеивает Библию, злодей,
Поправ законы Бога и людей!
«Есть, – говорят, – поймите, ради Бога,
В нем добрые черты, хоть их немного.
Он пьяница, распутник? Что ж, пожалуй...
И, вместе с тем, он – очень славный малый!»
Но сей добряк, спрошу я, почему, сэр,
Внедряет нам в мозги словесный мусор?
Мы по плодам о древе судим здраво,
И, если так, то, значит, вы неправы:
Поймите ж, наконец, – под добрым древом
Поганый плод не встретится нигде вам,
И если плод считается поганым,
О древе спорить было б очень странным,
А с логикою странной и небрежной
Вы к западне придете неизбежной
И вспомните о Сатане, о древе,
О змее, о плоде и глупой Еве,
Что лишь однажды яблочком прельстилась,
И навсегда потомство отравилось!
«Съешь, – молвил Сатана, – для жизни вечной,
Для мудрости безмерной, бесконечной!»
Не обещает Робин вечной жизни,
Чтоб не склонять нас к горькой укоризне,
Зато, живописуючи с размахом,

Сулит нам стать ничтожеством и прахом¹
И вечные сулит объятья сна,
Когда вокруг – покой и тишина.

Доктрине этой верен люд безбожный,
Склоняющий других к доктрине ложной,
Что, человека приравняв к животным,
По мерзости сродни лекарствам рвотным
И приглашает нас надеть удавку:
Не люди мы, а скот, жующий травку!
Нам Сатана велит в сие поверить,
Но для себя спешит сие похерить:
Он знает правду и дрожит, как лист,
Но в страхе сим утешен атеист:
Будь это правдой, не видать им ада,
Как раз того, что только им и надо!

Предайся люди вере сей фальшивой,
О, как возликовал бы люд паршивый,
Который в лихорадке, в исступленьи
Пошел бы на любое преступленьи:
Казните, мол, мы только усмехнемся,
Идя туда, откуда не вернемся.

Здесь каждый Сатане бесстрашно пишет:
Поскольку с ним – одною верой дышит,
Готовый сокрушить до основанья
Законы все Священного Писанья,
Которых правда, что исчезла б тоже,
Вовеки не дошла б до молодежи.

Чтим иудеем и христианином,
Исайя был духовным исполином,
И он хотел, чтоб глас его, возвышен,
Был всем понятен и повсюду слышен.
А что нам предлагает бард эйрширский?
Язык невнятный, низкий, дебоширский.²
Он жалобы у вавилонских вод
Насмешкам неприличным предаст:
Вот арфы-де повесили на ивы,
А Небеса – что ж были молчаливы?
И се – Поэт? Поэтом звать ехиду?
Похож, похож, – как гвоздь на панихиду!³

---

¹ Смотри 90-ый Псалом, который он переложил стихами. – *Примечание Джеймса Максвелла.*

² Смотри его поэму «Субботний вечер поселянина». – *Примечание Джеймса Максвелла.*

³ Смотри его поэму «Рукоположение». – *Примечание Джеймса Максвелла.*

Был рукоположен Христос, божествен.
Обряда нет, что более торжествен!
Но, на потребу глупого народца,
Он у него лишь Ярмаркой зовется,⁴
На коей хорошо одним обжорам,
Да девкам, да похабным ухажерам.
Таким сей праздник видится премногим
Невежественным, нравственно убогим,
Но это оскорбляет тот народ,
В котором Бог по-прежнему живет.
Но что скотине делать у святыни?
На ярмарке и место ей, скотине!

Что ж вы молчите, церковь, государство?
Будь проклят враг, исполненный коварства!
Ты, ярмаркою вечерю зовущий,
Подвергнут будешь вскоре каре злющей,
От коей лишь раскаяньем спасешься,
Когда молитвой с Господом снесешься.
Таков Поэт, что хаает и убожит
Религию везде, где только может,
Который над писанием хохочет,
Как будто дьявол сам его щекочет.

Лишь половину я сказал того,
Что думаю. Увы, у нас его
Чтит (не один!) священно, бишь, служитель,
Для коего он – гений, небожитель.
Но если пастырь впрямь такое видит,
Он, стало быть, Писанье ненавидит
И обнажает истину одну:
Не Господа он чтит, а Сатану!
Он тех, кто ищет истину в писанье,
Зовет с презреньем «старомодной дрянью»
И говорит, что уничтожить надо
Всех, кто ведет войну с князьями ада.

Пусть берегутся все, кто чтит Поэта,
Придумал я, как им воздать за это:
Их не для шутки, а другим в науку
От Судии садить по леву руку!
Там те, кто предан их разбойной доле,
Там те, кто в ад идет по доброй воле.
Сейчас они оставят в небреженье
Любых писаний предостереженье

---

⁴ Смотри его поэму, каковую он назвал «Святая Ярмарка». – *Примечание Джеймса Максвелла.*

И всё ж прозреют накануне смерти.
Добавить больше нечего, поверьте.⁵

---

⁵ Перевод создан 24.09.2005 и 23.11.2005. Публикуется впервые.